

На правах рукописи

Абрамова Виктория Сергеевна

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
БЫТИЕ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА 1890–1900-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь – 2016

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель:

Кондаков Борис Владимович
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской литературы
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Кубасов Александр Васильевич
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой методик преподавания
школьных дисциплин в специальной
(коррекционной) школе
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»

Воловинская Марина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры новейшей русской литературы
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Вятский государственный
университет»

Защита диссертации состоится 27 декабря 2016 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.11 в ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д.15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д.15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «___» ноября 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

И.Ю. Роготнев

Общая характеристика работы

Критики и исследователи начала XX в. рассматривали творчество А.П. Чехова с точки зрения отражения ценностей русской жизни и универсальных смыслов бытия. Одни видели в писателе художника, объективно и *правдиво* изображающего русскую жизнь (Л.Н. Толстой, А.М. Горький, М.О. Цетлин и др.), и глубокого мыслителя (Ю.И. Айхенвальд, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов и др.); другие, наоборот, считали, что писатель выразил настоящую русскую жизнь «*неправдиво*» (Ю. Александрович [А.Н. Потеряхин]), поскольку был ограничен «рамками своего времени» (Н.К. Михайловский, В.Л. Кигн [Дедлов], А.М. Скабичевский и др.) и изображал «быт без бытия» (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус). Тенденция видеть в Чехове либо «этносоциолога», либо «мыслителя» и не рассматривать специфику взаимодействия изображённого бытия и сознаний автора и героев появлялась в работах литературоведов и в последующие десятилетия (Г.П. Бердников, Г.Я. Бялый, Л.П. Громов, М.Е. Елизарова, В.А. Ермилов, А.П. Скафтымов). Современные чеховеды заняты поисками путей, которые могут охарактеризовать особенности поэтики писателя и определить его место в истории литературы. Несмотря на огромную ценность научных трудов, освещающих те или иные аспекты творчества Чехова, вопрос о соотношении экзистенциального сознания и национального бытия в художественной картине мира до сих пор не получил должного внимания.

За рубежом в качестве «самого русского» писателя, в художественных произведениях которого наиболее полно воплощено русское бытие, нередко рассматривают именно А.П. Чехова. При этом представители других культур признают Чехова «своим», считая его творчество близким своей ментальности и указывая на поэтические особенности художественного мира писателя, которые воплощают «вненациональные» ценности и характеризуют *принципы сознания* человека любой культуры. В чём же причины такого явления? В каких отношениях находятся бытие и сознания автора и героев в художественном мире Чехова и каково их содержание?

А.П. Чехов создаёт образы русских людей, рисует бытовую обстановку дома и усадьбы конца XIX века, творчески осмысляет национальные традиции и обычаи, однако исторические события, судьба России и русского народа нередко отходят на второй план, поскольку в центре внимания Чехова оказывается *человек и его сознание*, которое некоторые современные исследователи (П.Н.

Долженков, С.Г. Бочаров, Р.Е. Лапушин, И.Н. Сухих, Г.И. Тamarли, Т.Б. Зайцева, С.А. Кибальник, Р.С. Спивак, О.И. Родионова, И.И. Михайлов и др.) определяют как *экзистенциальное*.

Изучению *соотношения* экзистенциального сознания и национального бытия в творчестве А.П. Чехова и посвящена настоящая диссертационная работа.

Актуальность темы диссертации связана с 1) возрастанием научного интереса к художественно-философскому сознанию Чехова, что является одним из самых перспективных направлений современного литературоведения; 2) пристальным вниманием чеховедения к изучению творчества художника в национально-культурном контексте; 3) недостаточной освещённостью взаимодействия категорий *экзистенциального* и *национального* в художественной картине мира писателя; 4) поиском соответствующих поэтике художника исследовательских походов; 5) стремлением объяснить факт огромной популярности чеховского творчества у зарубежного читателя, воспринимающего писателя одновременного и как «своего», и как «чужого».

Объектом исследования являются способы выражения экзистенциального сознания и национального бытия в творчестве А.П. Чехова. Под *«национальным художественным бытием»* нами понимается выраженная в тексте самобытная материальная и духовная целостность нации. Под *«экзистенциальным сознанием»* мы имеем в виду особый *тип мироощущения*, который рождается в процессе переживания человеком собственного существования, вопрошания о смысле своего бытия, – как выражение глубокой заинтересованности личности в познании и самопознании – и актуализируется через *опыт индивидуального существования*. Такая интерпретация исходит из общего понимания термина «сознание» в философии.

Изучение художественных произведений Чехова через призму категории «экзистенциальное сознание» видится нам чрезвычайно перспективным, так как это позволяет лучше изучать не только особенности творчества писателя, но и специфику литературного процесса, поскольку экзистенциальное сознание актуализируется именно в переходные эпохи, в одну из которых и происходило становление Чехова как мыслителя и художника. Анализ творчества писателя в национальном аспекте ограничивался в литературоведении описанием христианских образов и фольклорно-мифологических

мотивов. Исследований, посвящённых осмыслению функционирования категории «национальное» в художественном мире Чехова, в настоящее время нет; более того, выбор данных категорий обусловлен тем, что они находятся в творчестве писателей в разных отношениях, и связка «национальное и экзистенциальное» получает у Чехова особое осмысление.

Предмет исследования – соотношение экзистенциального и национального компонентов в художественной картине мира писателя.

Цель диссертационной работы состоит в изучении особенностей представления экзистенциального сознания и национального бытия А.П. Чеховым в его художественном творчестве.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

1. исследование способов раскрытия экзистенциального сознания и национального бытия в прозе писателя;
2. анализ особенностей ценностного сознания героев Чехова, выделение типов сознания и выявление специфики взаимодействия сознания героя с изображённым в произведениях бытием;
3. определение функций образов «иной культуры» и воспроизведения национально-этнических традиций в прозе художника;
4. описание особенностей хронотопа прозы писателя, отражающих его экзистенциальную позицию.

Материалом диссертационной работы послужили повести и рассказы А.П. Чехова, созданные преимущественно на протяжении «зрелого» периода (конец 1890-х – начало 1900-х годов) и наиболее репрезентативно отразившие чеховскую модель мира. Логика исследования заставила нас выйти за рамки указанного периода и привлечь для анализа отдельные ранние рассказы (1880-х годов), чтобы лучше охарактеризовать особенности *чеховского видения бытия и человека*.

Методы исследования обусловлены предметом, целью и задачами диссертации. Теоретико-методологической базой исследования стали труды литературоведов в области чеховедения, – как отечественного (С.Д. Балухатого, Г.П. Бердникова, Н.Я. Берковского, С.Г. Бочарова, Л.Е. Бушканец, А.Г. Головачевой, М.П. Громова, А.Б. Дермана, Ю.В. Доманского, П.Н. Долженкова, Т.Б. Зайцевой, Б.И. Зингермана, В.Б. Катаева, А.В. Кубасова, В.Я. Линкова, С.Ю. Николаевой, М.М. Одесской, З.С. Паперного,

Э.А. Полоцкой, А.П. Скафтымова, А.С. Собенникова, А.Д. Степанова, И.Н. Сухих, Г.И. Тамарли, В.И. Тюпы, Л.М. Цилевич, А.П. Чудакова и др.), так и зарубежного (Дж. Барни, Э. Дэркина, Д. Кирьянов, Р. Лапушина, П. Майлса, Х. Питчера, Ж. Пахомова, Л. Сенелика, М. Финка, Дж. де Щербинин и др.). Работы по феноменологии экзистенциального сознания Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна и других, в которых рассматриваются процессы развития сознания и формирования смыслов, используются для выявления особенностей структуры сознания автора и героев Чехова.

В диссертации апробируется *экзистенциально-феноменологический подход*, предметом исследования которого является *всё*, что человек переживает. Анализ экзистенциальных настроений в прозе Чехова осуществляется на основе филологических источников – живого опыта переживания текста и тех *бытийных ситуаций*, в которые автор погружает читателя-исследователя. *Экзистенциальная феноменология* позволяет выявить, в чём заключается уникальность художественного бытия, созданного в прозе Чехова. В отличие от популярных подходов к анализу художественного текста, связанных с введением в исследуемый текст чего-либо «извне» (культурного контекста, другого текста) и последующим выявлением раскрывающихся в тексте смыслов, данный способ позволяет обратиться к *первичному* опыту сознания, в котором вещи предстают не как предметы уже имеющихся теорий и точек зрения, но как нечто, *само раскрывающееся* в первичном опыте.

Важной теоретической и методологической составляющей диссертации стали работы М.М. Бахтина, В.И. Тюпы, Е.К. Созиной, С.А. Кибальника, В.В. Заманской, в которых литература изучается через призму категории «художественное сознание», а также исследования Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко, М.Ю. Лотмана, Г.Д. Гачева, В.Н. Захарова, В.А. Котельникова, И.А. Есаулова, С.В. Шешуновой, посвящённые изучению национального своеобразия русской литературы.

Научная новизна диссертации связана с поставленными в ней задачами и определяется 1) использованием экзистенциально-феноменологического подхода к анализу прозы Чехова; 2) уточнением специфики понятий «экзистенциальное» и «национальное» применительно к творчеству писателя и изучением взаимодействия данных категорий в художественной структуре его

произведений; 3) описанием процесса развития сознания героев Чехова и раскрытием особенностей взаимодействия сознания с изображённым в тексте бытием; 4) междисциплинарным подходом, совмещающим исследование истории литературы с подходами экзистенциальной философии.

Теоретическая значимость диссертации связана с тем, что в ней углубляется представление о национальном своеобразии русской литературы, описываются формы репрезентации национального и их функции в произведениях писателя, выявляются особенности экзистенциального сознания в творчестве Чехова, рассматривается связь категорий *национального* и *экзистенциального* в художественной картине мира писателя, уточняются теоретико-литературные понятия («национальное художественное бытие», «экзистенциальное сознание» и др).

Практическое значение работы состоит в том, что сделанные теоретические выводы и обобщения, а также конкретный анализ художественных текстов могут использоваться в курсах «История русской литературы» и «Анализ художественного текста», а также в школьном курсе литературы при изучении литературного процесса второй половины XIX в. и творчества Чехова.

Рабочая гипотеза. В прозе А.П. Чехова *экзистенциальное* и *национальное* находятся на разных уровнях художественной структуры и различаются по содержанию и художественным функциям.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. *Бытие*, изображённое в произведениях, оказывается национальным, в то время как представленное в текстах *сознание* автора и героев – экзистенциальным. Экзистенциальный взгляд на бытие формируют тематика, проблематика, идеи чеховских произведений. На уровне «внутренней формы» (сюжет, субъектная организация, пространственно-временная организация) национальное и экзистенциальное тесно взаимодействуют. Уровень «внешней формы» формируется речевой организацией и пронизан национальными элементами, связанными с использованием лексического богатства русского языка.

2. В основе национального бытия в рассказах и повестях писателя находятся как базисные компоненты русской культурной традиции (национальный быт, фольклорные мотивы, образы русской литературы, образы и феномены «иной» культуры и другие

компоненты текста, обладающие этнокультурными характеристиками), так и уникальные элементы, выражающие *авторское экзистенциальное мировидение* (использование в произведениях стереотипных представлений о России и русских; переосмысление оппозиции «свое/чужое»; трансформация ритуально-символических форм поведения, праздников народного календаря и православной обрядности; включение мотива «событие встречи»; использование сюжета «открытие сознания»; исследование «архетипа человеческой личности») (термин И.Н. Сухих).

3. А.П. Чехов использует стереотипные представления о русских и о людях других культур, свидетельствующие о том, что ему важен *человек как таковой*, вне зависимости от национальной принадлежности. Интерес для писателя представляет *тип мышления человека*, и ценной для него оказывается *личность с высоким уровнем развития сознания*, способная проявить свой потенциал в *экзистенциальном опыте*.

4. *Модели пространства* (топосы) в произведениях Чехова психологизируются и наполняются экзистенциальным смыслом. В прозе писателя топос (провинция, столица, степь, дорога, фабрика и др.) не имеет положительной или отрицательной коннотации и оппозиции не актуализируются. В центре внимания – внутреннее, *субъективное время*, создающееся переживаниями героя и погружающее его в экзистенциальные смыслы. Хронология событий и связанное с ней объективное, «социальное» время имеют второстепенное значение.

Апробация положений диссертационной работы проходила на заседаниях кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, а также в ходе занятий, проводившихся автором реферируемой диссертации на филологическом факультете ПГНИУ в 2010–2016 гг. Положения и результаты исследования успешно докладывались на научно-практических конференциях как в России (в ПГНИУ (г. Пермь), МГУ (г. Москва), ЧелГУ (г. Челябинск), БашГУ (г. Уфа), ТГПИ (г. Таганрог), в Иркутске – более 10 конференций), так и за рубежом (в Доме-музее А.П. Чехова в г. Ялте (в 2012 и 2013 гг., Украина), Колгейтском университете в г. Гамильтоне (США)).

Основные положения диссертации отражены в 17 публикациях, 3 из которых входят в перечень ВАК.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения и

библиографического списка. Расположение глав и разделов предполагает последовательное рассмотрение *сюжета, композиции, системы образов и пространственно-временной организации* произведений, что позволяет сделать выводы об особенностях воспроизведения *бытия* и о специфике взаимодействия изображённого бытия с представленным *сознанием*. Объём исследования составляет 189 страниц. Список литературы включает более 200 наименований.

Основное содержание работы

Во **«Введении»** обосновывается тема, формулируются актуальность и новизна исследования; определяются объект и предмет; ставятся цель и задачи; характеризуется степень разработанности проблемы; определяется методологическая основа; раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации; формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Проблема экзистенциального сознания и национальная специфика творчества А.П. Чехова в современных гуманитарных исследованиях»** является теоретической и включает три раздела.

В разделе **1.1. «Категории “экзистенциального” и “национального” в гуманитарной науке»** последовательно рассматривается использование таких понятий, как «национальное художественное бытие», «художественное сознание», «экзистенциальное сознание» в науке. Особо отмечаются труды Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко, Г.Д. Гачева, В.Н. Захарова, В.А. Котельникова, И.А. Есаулова, С.В. Шешуновой, в которых разрабатывается терминологическая база, помогающая описывать *национальное* в художественных текстах. Подчёркивается сложность анализа *национального* в художественных произведениях и отмечается отсутствие точной терминологии в связи с недостаточной разработанностью *этнопоэтики* (термин В.Н. Захарова) – специальной литературоведческой дисциплины, занимающейся изучением особенностей национальных литератур. Опираясь на формулировку С.В. Шешуновой¹, определяющей *национальный образ мира* как многоуровневую художественную структуру, комплекс

¹*Шешунова С.В.* Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский. И.С. Шмелев. А.И. Солженицын: дис. д-ра филол. наук / С.В. Шешунова. – Дубна, 2006. С. 36.

взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой, мы определяем «*национальное художественное бытие*» как выраженную в тексте самобытную материальную и духовную целостность нации.

Национальное бытие создаётся не только через изображение внешних примет родины (пейзажных картин, предметов быта), но и выделяется в сюжетно-композиционной и пространственно-временной организации, образном строе, национальной топике, символах, мотивах и лейтмотивах, речевой характеристике персонажей, а также выявляется через художественное осмысление традиций и обычаев, которые основываются на определённой системе ценностей и определённом типе переживания национальной истории и её особенностей.

Национальное бытие, воспроизведённое в тексте, по-разному соотносится с *сознанием автора и героев*. Особую ценность в изучении *художественного сознания* представляют работы М.М. Бахтина, В.И. Тюпы, Е.К. Созиной. Одним из типов художественного сознания является *экзистенциальное сознание*. Данный термин подробно исследуется в трудах философов, психологов, социологов. В литературоведении понятие «экзистенциальное сознание» разрабатывается В.В. Заманской, анализирующей литературные произведения в рамках философии экзистенциализма. Интересующая нас категория также изучается в работах А.П. Власкина, С.А. Кибальника, С.Г. Семеновой и др. Отмечается, что в исследованиях нет четких критериев отнесения того или иного произведения к экзистенциальному, а понятия «экзистенциальный» («связанный с существованием») и «экзистенциалистский» («связанный с направлением в западноевропейской философии») используются как синонимы.

Экзистенциальное сознание понимается нами как особый *тип мироощущения*, рождающийся в процессе переживания человеком собственного существования, – как выражение глубокой заинтересованности личности в познании и самопознании – и актуализируется через *опыт индивидуального существования*. Главным критерием отнесения художественного произведения к экзистенциальному мы считаем изображение в нём *экзистенциальной ситуации*, возникающей благодаря взаимодействию человека и мира и открывающей возможности для экзистенциального переживания. Экзистенциальным можно считать произведение, в котором ценностные смыслы и способы их реализации в поэтике связаны с проблемой существования и отражают особый взгляд писателя на её решение.

В разделе **1.2. «Национальный и экзистенциальный аспекты творчества А.П. Чехова в современных отечественных гуманитарных исследованиях»** анализируется корпус литературоведческих и философских текстов, отражающих взгляды исследователей на экзистенциальный и национальный аспекты творчества Чехова, и делаются следующие выводы. Во-первых, в современном чеховедении формулируется взгляд на художника *как на мыслителя*, обращавшегося в своём творчестве к важнейшим проблемам человеческого существования (монографии А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, А.В. Кубасова, В.Я. Лакшина, Э.А. Полоцкой, И.Н. Сухих, М.М. Одесской, А.С. Собенникова, А.Д. Степанова, Н.Е. Разумовой, Л.Е. Бушканец и др.), и звучат мысли об экзистенциальной наполненности произведений писателя. Философские идеи Чехова и философские мотивы его произведений становятся предметом специального интереса в работах собственно философов (кандидатские диссертации О.И. Родионовой и И.И. Михайлова, статья А.Г. Мысливченко). Философские аспекты чеховского творчества (этические и эстетические воззрения, онтология времени и пространства, философия драматургического действия, образы культуры, метафизика текста, гносеологические мотивы, связь с экзистенциализмом и др.) специально рассматриваются на конференции «Философия А.П. Чехова», которая с 2006 г. проводится факультетом филологии и журналистики Иркутского государственного университета совместно с Чеховской комиссией.

Во-вторых, особый акцент стал делаться на смыслы художественных текстов с эстетическими значимыми для *западноевропейского экзистенциализма* темами (быта / бытия, жизни / смерти, подлинного / неподлинного существования, свободы / необходимости, поиска Бога и др). Например, в трудах П.Н. Долженкова, Г.И. Тамарли, Р.С. Спивак, Т.Б. Зайцевой и др. художественная философия писателя изучается в контексте открытий различных философов – от античных до западноевропейских. Нами подчёркивается, что выбранный подход не позволяет литературоведам *в достаточной мере* раскрыть особенности экзистенциального сознания Чехова. С нашей точки зрения, необходимо разграничивать *экзистенциализм* как философскую школу и *экзистенциальное мироощущение* как тип сознания, представленный в текстах художника. В этом случае представляется целесообразным говорить о Чехове как об *экзистенциальном писателе*, а не о *писателе-экзистенциалисте*. Думается, что отголоски экзистенциализма в творчестве художника являются результатом его экзистенциального сознания, которое

выражается в определённых формах и которое представило выходящие за рамки определённой культуры смыслы.

В-третьих, чеховеды рассматривают национальную специфику чеховских текстов преимущественно в связи с описанием образов русских людей и особенностей национального пейзажа, выявлением фольклорно-мифологических (исследования В.В. Кондратьевой и М.Ч. Ларионовой) и религиозных (работы А.С. Собенникова, Н.В. Капустина) мотивов, независимо от постановки вопроса, *как и с какой целью* писатель описывает реалии русского быта и нравы русского общества, а также того, как в художественном мире произведений соотносятся *экзистенциальное и национальное*.

В разделе **1.3. «Аксиология А.П. Чехова в современном зарубежном литературоведении»** делается обзор зарубежных работ (преимущественно англоязычных – как наиболее доступных автору реферируемой диссертации), в которых рассматривается аксиология Чехова, при этом некоторые источники впервые вводятся в контекст российского литературоведения. Зарубежные читатели начали свое знакомство с творчеством Чехова в конце XIX – первом десятилетии XX в.: в 1890 г. – в Германии, в 1893 г. – во Франции, в 1897 – в Великобритании. Первые зарубежные переводчики, критики и исследователи видели в Чехове «чужого», всецело *русского* человека. В дальнейшем для зарубежных читателей Чехов стал близок тем, что он обратился к сознанию человека XX в., поставленного перед сложным выбором. Так, например, англичане высоко оценили Чехова за то, что в своих произведениях он исследовал важные вопросы человеческого бытия и глубоко понял движения человеческой души, осуществив это в отличающейся от Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого форме – без традиционной «надрывности» и «русского максимализма».

Наши наблюдения показали, что главная тенденция зарубежного чеховедения в 1980-е – 2000-е гг. – интерпретация Чехова не только как талантливого писателя, но и как *оригинального мыслителя*. Во многих работах иностранных исследователей чётко прослеживается мысль о том, что творчество писателя относится к той категории художественных достижений, которые – наряду с крупнейшим вкладом в национальную русскую культуру – содержат значительный *ценностно-смысловой потенциал*, выходящий за пределы национального (работы Р. Лапушина, Дж. Барни). Больше всего зарубежных чеховедов интересует *гуманистический смысл* и

религиозно-нравственный аспект произведений (работы М. Финка, Г. Шефски, Д. Кирьянов, Дж. де Шербинин, М. Свифта). Литературоведы отмечают амбивалентность подхода художника к религии, подчёркивая, что во всех ситуациях он остаётся верен моральному кодексу христианства: представлениям о правде, свободе, справедливости, милосердии и красоте; при этом экзистенциальные измерения сознания героев остаются вне поля внимания исследователей.

Вторая глава **«Своеобразие национального бытия в прозе А.П. Чехова»**, посвящённая анализу сюжета, композиции и системы образов в рассказах и повестях, состоит из четырёх разделов.

В разделе **2.1. «Сюжет: “смысл” в потоке жизни»** отмечается, что сюжеты поздних произведений Чехова основаны в целом на процессах, которые происходят в *сознании героя*. Смысловой центр многих рассказов – *событие*, названное нами *«открытие сознания»* и выражающее переход героя от жизни, «утопающей в суете», к «размыканию в универсум» – осмыслению и переживанию собственной жизни и своего места в ней. До данного *события* сознание героя закрыто и мы слышим только голос автора, повествующий о повседневных действиях героя, и, что самое главное, до данного *события* герой *не переживает* своё место в мире. Может наблюдаться и обратный процесс – «закрытие», угасание сознания (рассказы *«Анна на шее»*, *«Ионыч»*, *«Крыжовник»*, *«Человек в футляре»* и др.). Последний процесс имеет место, когда герой либо вообще не стремится уйти от рутинности окружающего его бытия и остается погружённым в свой «чехол», либо желает «направить» время своей жизни в нужное русло, но оказывается не способен это сделать.

Толчком к переживанию собственного существования, способствующим выходу за *пределы наличного бытия*, служит *событие встречи* (представленное в художественных произведениях мотивом), которая предстаёт в разных вариантах: как открытие прекрасного, постижение ценности и человечности (*«Студент»*, *«Дама с собачкой»*); как привязанность к другому человеку (*«Душечка»*); как столкновение с человеком, чей образ действий вызывает негативные эмоции (*«В родном углу»*, *«Печенег»*, *«Невеста»*); как встреча с прошлым, с сильными эмоциями, заставляющими тосковать душу («припоминание» в *«Скрипке Ротшильда»*, *«Черном монахе»*, *«На подводе»*, *«Архиперее»*); как

неожиданный впечатляющий опыт, сильное переживание нового состояния (физическая и эмоциональная боль в рассказах «*Студент*», «*Случай из практики*», повестях «*Палата № 6*», «*В овраге*») и др. В одном и том же рассказе могут присутствовать разные варианты мотива *встречи*. Благодаря *встрече* и следующей за ней саморефлексии, герою могут открываться новые смыслы, и он переходит от банально-повседневного восприятия к пониманию сущности феномена в более широком контексте. Мир размыкается, и герой Чехова начинает осознавать противоречивость собственного существования, выражающуюся через ощущение «именно не то, что надо», пытается понять значение событий жизни и ищет глубины смыслов. Подчеркивается, что *экзистенциальная истина* (просвет в бытии) открывается герою в проблесках, возникающих неожиданно из недр повседневной жизни. Схематично отмеченный сюжетобразующий процесс можно выразить следующим образом: *утопание в мелочах – событие встречи – открытие сознания – переживание своего существования – открытие мира – погружение в новые поиски*.

Анализ рассказов «*Скрипка Ротшильда*», «*Учитель словесности*», «*По делам службы*», «*В родном углу*» раскрывает, как *встреча* становится толчком к *экзистенциальным переживаниям* героя и побуждает его по-другому взглянуть на жизнь. Отмечается, что после *встречи* образ действий героев различен. Чехов подводит читателя к мысли о том, что, во-первых, для ориентирования человека в мире спокойствие *в принципе* недопустимо и, во-вторых, что в повседневной жизни путь к постижению ценностных смыслов начинается с появлением желания остаться внутренне свободным, противопоставленного стремлению поступать так, как делают другие, и следовать привычным моделям. *Чеховское понимание человека* заключается во взгляде на него как на существо активное, творческое, ответственное, самоопределяющееся и учитывающее как свободу, так и необходимость. Если герой перестаёт переживать происходящие с ним события, закрывается от мира и становится словно роботом, выполняющим одно и то же ежедневно, то его сознание сужается (рассказы «*Ионыч*», «*Анна на шее*»).

В разделе **2.2. «Национальное бытие и ценностное сознание героя»** описывается процесс развития сознания героя, предлагается анализ типов сознания в прозе Чехова, выявляются особенности

взаимодействия сознания героя с изображённым в произведениях бытием.

Охват российской действительности в произведениях огромен: среди персонажей мы можем найти представителей всех социальных групп, людей с разным воспитанием, образованием, имущественным положением и социальным статусом; описываются их внешность, речь, поведение, повседневные занятия. Но, как правило, за основу национальной характеристики персонажа берётся *стереотипное* описание представителя той или иной культуры. Приведём пример из рассказа «*Огни*» (1888): «Если бы я был художником, то непременно изобразил бы *выражение лица русского человека*, когда он сидит неподвижно и, поджав под себя ноги, обняв голову руками, предаётся этому ощущению... А рядом с этим ощущением *мысли о бесцельной жизни, о смерти, загробных потемках*... Мысли не стоят гроша медного, но выражение лица, должно быть, прекрасно»². Таким же образом формируются представления читателя о персонажах других национальностей: *оценочно* представлены модели повседневного поведения, особенности физических движений, походки, речи.

Подчёркивается, что стереотипы не столько отделяют одну культуру от другой, сколько характеризуют *сознание* персонажей. Поглощённому будничными делами герою большинства ранних рассказов проще делать и говорить так, как «принято», чем искать собственный путь и реализовывать потенциал сознания. В прозе Чехова представлены разные варианты организации сознания; характер взаимоотношений между сознанием и изображённым бытием также различен. Писателя интересует ценностное сознание человека любой культуры, и в первую очередь он исследует человека как онтологическое существо, при этом национальные черты не играют особой роли. Ценной для Чехова оказывается личность с высоким уровнем развития сознания. Герой, реализующий потенциал сознания, представлен в *двух основных вариантах*: человек, мыслящий сложными категориями философии и культуры (рассказы «*Студент*», «*В родном углу*», «*На подводе*», «*Случай из практики*», «*Дама с собачкой*», повесть «*Дуэль*»), и человек необразованный, пользующийся представлениями обыденного сознания (Ванька Жуков из рассказа «*Ванька*», Иона из рассказа «*Тоска*», Егорушка из повести «*Степь*», Липа из повести «*В овраге*»), однако открытый

²Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. С. 125–126.

бытию и способный глубоко познавать. Рассмотренные в предыдущем разделе варианты «встреч», через которые может проходить герой (припоминание, потрясение и др.), открывают человеку его подлинную сущность и помогают определить место в мире. Характерно, что герои с богатыми потенциями сознания часто изображаются в качестве *субъекта сознания*, с «внутренней» точки зрения, в то время как герои с одномерным сознанием нередко показаны в качестве *объекта*, с «внешней» точки зрения. Анализ повести «*Степь*» (1888) и рассказа «*Студент*» (1894) доказывает данные наблюдения.

Подчёркивается, что в художественном бытии Чехова личностное начало превалирует над национальным и коллективным, и в этом заключается отличие его творчества от творчества его предшественников (Ф.Н. Достоевского, Л.Н. Толстого), для которых идеал был связан с главенством в сознании человека родового начала.

В разделе **2.3. «Национальные традиции в рассказах А.П. Чехова»** анализируются особенности поведения героев, а также изображения традиций и обычаев и выявляются их художественные функции.

Писатели второй половины XIX в. раскрывали характер героя, прибегая к описанию социальных, культурных и бытовых реалий российской действительности. В произведениях И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина категория «национального» являлась одной из центральных и включала многие составляющие художественного бытия: дом, быт, еду и особенности её приготовления и употребления, фольклорные элементы, а также некоторые иные формы национальной культуры.

Ключевой характеристикой художественного сознания Чехова является отказ от следования установленным правилам и нормам. В произведениях писателя – в отличие от многих его предшественников – нет явного этнографизма и фольклоризма; ритуально-символические формы поведения персонажей трансформированы – вплоть до полного разрушения. Подробно останавливаясь на ритуалах свадьбы, похорон, охоты как наиболее частотных представленных в произведениях художника и особо отмечая православную обрядность, мы приходим к выводу о том, что в художественном мире Чехова ритуал утрачивает символический смысл. Так, в рассказе «*Скрипка Ротшильда*» (1894) *похороны* теряют сакральное значение и

становятся данью когда-то существовавшему обряду: «Старухи-соседки обмыли, одели и в гроб положили. Чтобы не платить лишнего дьячку, Яков сам читал псалтырь, и за могилку с него ничего не взяли, так как кладбищенский сторож был ему кум. <...> Шли за гробом старухи, нищие, двое юродивых, встречный народ набожно крестился... И Яков был очень доволен, что всё так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: “Хорошая работа!”»³. Смысловое наполнение ритуала оказывается одинаковым как в ранних, так и в поздних произведениях писателя, что способствует формированию у читателя представлений о его привычности, рутинности, навязанности и бессмысленности. В художественном мире произведений *«Перед свадьбой»*, *«Брак по расчету»*, *«Свадьба с генералом»*, *«Руководство для желающих жениться»*, *«Анна на шее»*, *«В овраге»*, *«Невеста»* свадьба, а также предшествующие ей сговор, смотрины – это вечеринки, лишённые высокого духовного смысла. Во время *венчания* невеста Липа, героиня повести *«В овраге»* (1900), ничего не понимает и безразлично реагирует на происходящее, и свадебный ритуал изображается как слишком длинный и мучительный.

Мотив охоты играет особую роль в чеховских текстах, открывая возможности для широкого эпического изображения русской национальной жизни в ее провинциальном бытовании. Охота как ритуальное действие, связанное с окончанием Петрова поста, описывается в ряде произведений писателя. Анализируя рассказы *«Петров день»* (1881), *«Двадцать девятое июня»* (1882), мы приходим к выводу о том, что в художественном мире писателя ритуал изменяет функцию: праздник, традиционно несущий положительную окраску, ведущий к очищению и просветлению человеческой души, у Чехова связан с сугубо бытовым, потребительским, разрушающим и негативным.

Указывается, что экзистенциальное сознание писателя тесно связано с русской православной культурой, однако нередко эта связь оказывается внешней. Посещение церкви воспринимается не как духовная потребность, а как дань моде: герои приходят туда с целью «убить время», чтобы про них не подумали плохо (рассказы *«Беда»*, *«В родном углу»*). Герои часто делают не то, что чувствуют, а процесс

³Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 8. С. 301.

принятия решений связан с ожиданием оценки окружающих. Сакральное значение Рождества и Сочельника в текстах Чехова утрачивается и заменяется бытовым пониманием (рассказы «*В рождественскую ночь*», «*Рассказ неизвестного человека*», «*Бабы царство*»). Вместо рождественского чуда героев постигают неприятности и ожидают трагические события.

Подчёркивается, что способы веры героев существенно различаются: для одних вера – это следование религиозным обрядам, посещение церкви, для других – тихая молитва, добрые дела, следование нравственным идеалам. Героиня повести «*В овраге*» Липа верит в Бога, и эта вера придаёт ей сил пережить смерть родного ребёнка и другие беды, которые выпали на её долю. Но *венчание в церкви* воспринимается девушкой как обязанность. В отличие от Ф.М. Достоевского, который давал оценку героям в зависимости от того, верят они в Бога или нет, и Л.Н. Толстого, оценивавшего персонажей исходя из того, как они понимают Бога, А.П. Чехов не ставил поиск жизненной правды в однозначную зависимость от веры: религиозные искания героев интерпретировались им прежде всего как *интимный* поиск, и писатель изображал не только верующих людей, но и тех, кто стремится *сориентироваться в мире*, найти «красоту и правду» без веры в Бога и участия в церковных обрядах (рассказы «*В родном углу*» и «*Архиерей*», повести «*Дуэль*» и «*Моя жизнь*»).

В разделе 2.4. «*Образы “иной” культуры в прозе А.П. Чехова*» делается вывод о том, *какую* аксиологическую нагрузку несёт в его творчестве комплекс «иной» культуры и *какие* проблемные поля он объективирует. «Вечные образы» и категории («байронизм», «шекспиризм», «гамлетизм», «донжуанство», «фаустовское начало» в героях и т. д.) нами не рассматриваются. В разделе представлена полемика с В.В. Ерофеевым, который утверждает, что причиной искажения чеховскими героями иностранных слов и выражений, уничижительного изображения иностранцев и «аморфного» представления заграницы является ксенофобия писателя (статья «Миф Чехова о Франции»). В диссертации раскрываются художественные функции «иной» культуры в творчестве Чехова, которая представлена в нескольких вариантах: «образе заграничного пространства», «образе иностранца» и «инокультурных реалиях» в жизни русских (предметах быта, моделях поведения, иностранных словах, цитатах и т.п.).

Проанализировав «следы» «иной» культуры в ранних («*К характеристике народов*», «*Свистуны*», «*Дочь Альбиона*», «*На чужбине*», «*Глупый француз*», «*Обыватели*», «*По-американски*», «*Письмо к ученому соседу*», «*И то и сё (Письма и телеграммы)*») и поздних рассказах («*Случай из практики*», «*Ионыч*», «*Анна на шее*», «*Рассказ неизвестного человека*», «*Бабье царство*», «*Архиерей*») мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, географическое пространство другой страны писатель создаёт лишь штрихами. Образ заграничного пространства даётся *сквозь призму восприятия героя*. Собственно самой страны как бы не существует: имеются многообразные (нередко ложные) *мнения* о той или иной стране и об её культуре. В зрелом творчестве писателя с образом заграницы связан мотив бегства, сопряжённый с другими мотивами – одиночества, скуки, недовольства жизнью (рассказы «*Архиерей*», «*Рассказ неизвестного человека*). Герой, стремясь заполнить экзистенциальный вакуум, бежит в другую страну мысленно или в реальности, но, попав в новое культурное пространство, он снова не находит себе места, и прежнее ощущение недовольства возвращается, что приводит к нас выводу о том, что для Чехова главным является именно воплощение *экзистенциального опыта* человека в пространстве жизни. Во-вторых, в сознании *автора* не возникает оппозиция «свое / чужое», однако она может постоянно присутствовать в сознании *героя*, что в свою очередь приводит к насмешке автора над его мнением. В-третьих, упоминание «иноного» отсылает читателя к стереотипу. Образ иностранца выполняет следующие функции: 1) «иностранный» персонаж может выступать субъектом насмешки и высмеивать представителя другой культуры, но оказывается ничуть не лучше того, кого он высмеивает или противопоставляет себе, и в результате сам становится объектом насмешки автора, который раскрывает общий уровень культуры и образования человека; 2) он может быть носителем «иной» системы ценностей, в сопряжении с которой оттеняется, укрупняется или развенчивается уже имеющаяся система; 3) он также может представлять другую систему ориентирования в жизни.

В третьей главе «**Экзистенциальное сознание героя и хронотоп прозы А.П. Чехова**» организация времени и пространства в прозаических текстах исследуется с экзистенциальной точки зрения. Глава состоит из трёх разделов.

В разделе **3.1. «Художественное пространство и время рассказов А.П. Чехова в современных гуманитарных исследованиях»** проанализированы работы, посвящённые исследованию хронотопа произведений писателя. Особенности представления времени и пространства в художественном тексте говорят о мировидении автора, утверждаемой им системе ценностей и структуре его художественного мира. Отмечается, что исследователи творчества Чехова не раз обращались к особенностям представления времени и пространства в произведениях. Некоторые стилевые черты чеховской прозы, например, его «адогматичность» и объективность, позволяющие показать мир разомкнутым, незавершённым, а движение времени уподобить движению бытия, были впервые отмечены А.П. Чудаковым. В исследованиях И.Н. Сухих звучит мысль о том, что чеховский хронотоп строится на принципах разомкнутости и неограниченности мира. В качестве материала для исследования пространства и времени в творчестве Чехова в основном привлекаются драматургические произведения, проза реже оказывается в центре внимания, при этом категория пространства рассматривается как ведущая, а категория времени как вспомогательная (работы М.О. Горячевой, Н.Е. Разумовой). Литературоведы используют мифопоэтические представления о пространстве (исследования В.В. Кондратьевой, М.Ч. Ларионовой), но недостаточно раскрытой остаётся природа топосов в произведениях. Крупных литературоведческих исследований, посвящённых анализу творчества Чехова в аспекте времени, нет, что связано, на наш взгляд, с тем, что в произведениях писателя историческое, социальное, календарное, другими словами, *объективно представленное время*, выражено фрагментарно. О внимании Чехова к «внутреннему времени» человека, «чувству времени» (термин А. Бергсона) и эффекте преодоления пространства временем писали Г.И. Тamarли, Е.В. Маслакова, И.И. Плеханова, А.В. Кубасов. Особая роль времени в процессе формирования экзистенциального сознания героя и освоении этим сознанием национального бытия специально не исследовалась.

В разделе **3.2. «Экзистенциальное сознание и топосы в прозе А.П. Чехова»** анализируются две ключевые для понимания особенностей художественной прозы Чехова модели пространства (топоса) – «провинциальная» и «столичная» и исследуется то, каким образом названные топосы преломляются в сознании героя и какие проблемные поля они объективируют. Под *провинциальным* и *столичным* топосами понимаются локально организованные

смыслообразующие культурные пространства (сферы духовной жизни), имеющие собственные пространственные и временные координаты, связанные с определёнными культурными традициями, ценностями, нормами, представлениями о красоте и идеале. В творчестве русских писателей за каждым из членов этой оппозиции закрепились устойчивые характеристики. «Провинциальный» текст традиционно выстраивался в многоплановой соотнесённости с «петербургским» и «московским» текстами русской литературы. По мнению Е.Н. Эртнер, причина постоянного противопоставления в русской литературе провинции (усадыбы / деревни / уездного города) и столицы (Москвы / Петербурга) – «национальное центристское мышление, эксплицирующее конфликт столицы и провинции»⁴. В русской классической литературе оппозиция «столица / провинция», носящая идеологический характер и отражающая идейные и культурные тенденции внутри России, являлась семантически активной и структурообразующей.

По этому поводу в чеховедении имеются разные точки зрения. Отдельные литературоведы выдвигают тезис об оппозиционности двух топосов и их ведущей роли в художественном мире произведений Чехова (М.О. Горячева, Н.Е. Разумова, Ю.В. Доманский). Существует и точка зрения об оригинальном прочтении данной оппозиции у Чехова (Е.Е. Жеребцова). Анализ рассказов «*Случай из практики*», «*По делам службы*», «*Дама с собачкой*», повестей «*Моя жизнь*» и «*Дуэль*» показывает, что оппозиция «столица / провинция» в прозе писателя не только не является ключевой, но и, во-первых, не поддерживается структурой текста, а, во-вторых, что самое главное, не несёт в художественном мире аксиологической нагрузки (не обладает положительной или негативной коннотацией).

С нашей точки зрения, в художественном мире писателя *провинция* или *столица* важны не сами по себе – как географические или культурные пространства, – а как *отношение* к ним человека в его *субъективно-ценностной окрашенности*. Система *ценностных отношений*, существующая в пределах топоса, может организовать его и как культурное пространство независимого духовного развития, и как замкнутый «мирок», закрывающий от человека «весь мир».

⁴Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 15.

Поэтому провинция в художественном мире писателя может быть средой независимого духовного развития, где «...как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная...»⁵ («*В овраге*»), но может быть и «мирком» – царством зла и пошлости, который создают сами герои («*Моя жизнь*», «*В родном углу*», «*Печенег*», «*На подводе*», «*Учитель словесности*», «*Крыжовник*», «*Человек в футляре*»). Оценка того или иного пространства делается автором и читателем с точки зрения воплощения в нём основных ценностей: природы, творчества, любви, сострадания, понимания. Оппозиция «Россия / заграница» также снимается в произведениях писателя.

В заключении подчёркивается, что не перемещения в пространстве, а воспоминания помогают героям осознать себя и переосмыслить жизнь, поэтому в чеховском мире, представляющем собой *пространство жизни вообще*, особое место занимает время.

В разделе 3.3. «**Экзистенциальное сознание и поэтика времени в прозе А.П. Чехова**» анализируется поэтика времени и выделяются особенности представления времени в художественном мире Чехова. Во-первых, время – компонент картины мира – играет огромную роль в организации эмоционально-смысловых структур произведений. Во-вторых, герой Чехова максимально активен в отношении ко времени (в отличие от пассивного отношения к пространству), и через это выражается его этическая и ценностная позиция. В поздних произведениях раскрывается, каким образом движется время героев и как люди «закостеневают» в порядках и обычаях, которые меняют их внутреннюю сущность. Беглое упоминание реалий эпохи переакцентирует внимание читателя с исторического, социального, календарного на *субъективное время героя*. Анализ рассказов «*На подводе*», «*В родном углу*», «*Страх*», «*Архиерей*» показывает, что *объективное* время в прозе Чехова имеет второстепенное значение, а на первый план выходит *субъективное* время, которое отвечает моральным и духовным устремлениям героя в познании себя и самоутверждении.

В-третьих, художественное время произведений Чехова существует в двух системах координат: *линейной* и *концентрированной*. Данные системы пересекаются и дополняют друг друга в структуре сюжета, определяют способы читательского

⁵Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 10. С. 165.

восприятия. *Линейное время* – это «само течение жизни», «частное» время, выраженное через быт и обеспечивающее поступательное развитие сюжета. Чувство времени включается в сознание, и психологическое (субъективное) время героя создаётся его переживаниями, толчком к которым служит событие *встречи*. Эпицентр переживаний героя – концентрация времени в *здесь и сейчас*. Душевное состояние героя достигает высшего подъема; поэтому *концентрированная концепция времени* начинается в тот момент, когда герои Чехова сливаются с мирозданием, постигают «правду и красоту» в их гармоничном единстве, как бы «выключаясь» из сиюминутности существования, и устраняют противоречия земной жизни. Миг проникновения в сущность бытия не может длиться долго, – как правило, это лишь «просвет» в их бытии. Несколько секунд гармонии Марьи Васильевны («*На подводке*» (1897)), связанные с воспоминаниями о доме, семье, прошлой жизни, смягчают реальность обстановки провинциального села, в котором живет героиня. В реферируемой диссертации подчёркивается, что к недовольству жизнью героем ведёт именно его сосредоточенность только на одном времени и отрицание других; в то время как для Чехова в личности сходятся воедино прошлое, настоящее и возможное будущее.

Анализ поэтики времени позволяет сделать вывод о том, что А.П. Чехов – писатель экзистенциальный. Время субъективное не совпадает с ходом *объективного* времени; оно наделено иным темпоральным ритмом, оно изменяет человека и раскрывает в сознания героя *потенции*, преобразует окружающее пространство, подчеркивает дискретность человеческого существования (обретение смысла – ряд ярких вспышек в ряду обыденности).

В Заключении подводятся итоги исследования и отмечается, что в прозе Чехова оба компонента – и национальный, и экзистенциальный – органично включены в художественный мир произведений и являются разными аспектами единой структуры. Они постоянно взаимодействуют, однако их функции в границах художественного мира Чехова различны, и в произведениях они вступают в неожиданные отношения, формируя сюжет, композицию, смысловые позиции и хронотоп повестей и рассказов. В творчестве Чехова воспроизведение национального бытия предполагает обращение к зарисовкам реалий национального быта, изображение культурных традиций, использование стереотипных представлений о России и русских, однако аналитическое исследование национальной

истории отсутствует. Своеобразие национального мировидения (обычаи и традиции; праздники народного календаря; православная обрядность) в произведениях Чехова не несёт особой *философской* смысловой нагрузки; писателя в первую очередь интересует *ценностное* сознание человека *любой* культуры, и авторская точка зрения выражает антропологический взгляд на человека как на носителя онтологического начала. Анализ ранних и поздних произведений показывает, что принципы изображения национального бытия на разных этапах творчества Чехова существенно не меняются; однако при этом *образ человека* постоянно усложняется, и в произведениях появляется *герой с богатым потенциалом сознания*. Разрушение целостной концепции бытия (характерное для поздней прозы Чехова), связанное с ощущением кризисного состояния, создаёт ситуацию, при которой сознание человека становится доступным только через переживания и может изображаться как «становящееся», экзистенциальное.

Проблема связи экзистенциального сознания и национального бытия в творчестве художника, конечно, нуждается в дальнейшей детальной разработке и привлечении нового материала. Перспективным видится исследование категорий экзистенциального и национального в драматургии Чехова с последующим анализом особенностей представления человека и бытия в прозаических и драматургических текстах художника. Это поможет прояснить закономерности развития чеховского творчества.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, утверждённых ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Абрамова В.С.* Опыт экзистенциально-феноменологического анализа прозы А.П. Чехова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. – 2009. – № 6 (2). – С. 11–17.
2. *Абрамова В.С.* Проблема соотношения провинциального и столичного топов в прозе А.П. Чехова 1890–1900-х гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2012. – № 3 (1). – С. 381–387.
3. *Абрамова В.С.* Духовное бытие и поэтика времени в прозе А.П. Чехова 1890–1900-х гг. // Казанская наука. Филологические науки–Литературоведение. – 2016. – № 1. – С. 34–36.

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

4. *Абрамова В.С.* Система ценностно-смысловых позиций в рассказах А.П. Чехова («Душечка», «Студент») // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: материалы отчетных конференций преподавателей, аспирантов, молодых ученых и студентов (2006 г.) / Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – С. 6–10.
5. *Абрамова В.С.* Система антиномий в художественной структуре рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (апрель 2008 года) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 167–171.
6. *Абрамова В.С.* Антиномичность как константа художественного мира А.П. Чехова // Филологические проекции Большого Урала: материалы межвузовской студенческой научной конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. – С. 5–8.
7. *Абрамова В.С.* Принцип «неснятых противоречий» в художественной философии А.П. Чехова // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 434–435.
8. *Абрамова В.С.* Автор и читатель как эстетическое бытие проблемы «Я и Другой» // Я и Другой в пространстве текста: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь – Любляна, 2009. – С. 241–255 (в соавторстве с Б.В. Кондаковым).
9. *Абрамова В.С.* Философские основания художественного мира А.П. Чехова // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (апрель 2009 г.) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – С. 102–105.
10. *Абрамова В.С.* Противоречивый диалогизм как форма взаимодействия автора и героя в рассказах А.П. Чехова // Филологические проекции Большого Урала: материалы межвузовской студенческой конференции / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – С. 55–58.
11. *Абрамова В.С.* Автор и читатель в пространстве художественного текста // Филологические заметки: междун. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. – Пермь; Скопье; Любляна; Загреб. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1. 2009. – С. 48–60 (в соавторстве с Б.В. Кондаковым).

- 12.** *Абрамова В.С.* Художественная философия повседневности в прозе А.П. Чехова (на материале рассказа «Учитель словесности») // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (апрель 2010 г.). Пермь, 2010. – С. 80–84.
- 13.** *Абрамова В.С.* Художественное воплощение национального в прозе А.П. Чехова 1890–1900-х гг. // Молодежные Чеховские чтения в Таганроге: материалы III междунар. науч. конф. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011. – С. 8–11.
- 14.** *Абрамова В.С.* Художественный текст в иноязычной аудитории: из практики преподавания художественного творчества А.П. Чехова иностранным учащимся // Национальный исследовательский университет в системе непрерывного образования (к 95-летию Пермского университета): материалы Междунар. науч.-метод. конф. (Пермь, Перм. ун-т, 12–13 октября 2011 г.) / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. – С. 201.
- 15.** *Абрамова В.С.* Поэтика времени в прозе А.П. Чехова 1890 – 1900-х гг. // Философия А.П. Чехова: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2–6 июля 2011 г. / [под ред. А.С. Собенникова]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 80–88.
- 16.** *Абрамова В.С.* Трансформация ритуала в творчестве А.П. Чехова // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., г. Пермь, 6 апреля 2012 г. – Пермь, 2012. – С. 208–212.
- 17.** *Абрамова В.С.* Образы «иной» культуры в творчестве А.П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Чеховская карта мира: А.П. Чехов – путешественник: сб. науч. тр. / Мин-во культуры АР Крым, Дом-музей А.П. Чехова в Ялте: [сост и ред. Л.П. Нелина]. – Вып. 18. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. – С. 80–88.